

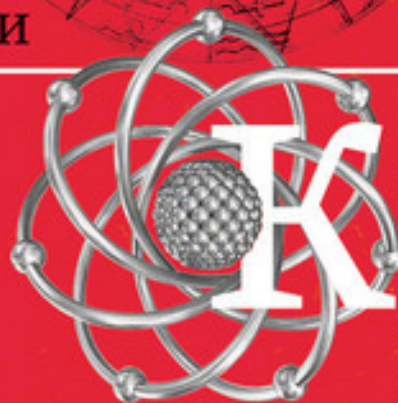

КЛАССИКИ
НАУКИ

Петр и Анна

*Печально, когда теория
совпадает с экспериментом.
Это уже не открытие,
а закрытие.*

Жапица

Воспоминания
и письма

Анна Капица

Капица. Воспоминания и письма

«Издательство АСТ»

2016

УДК 53(092)(470)

ББК 22.3Г

Капица А. А.

Капица. Воспоминания и письма / А. А. Капица — «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-098101-4

Анна Капица – человек уникальной судьбы: дочь академика, в юности она мечтала стать археологом. Но случайная встреча в Париже с выдающимся физиком Петром Капицей круто изменила ее жизнь. Известная поговорка гласит: «За каждым великим мужчиной стоит великая женщина».

Именно такой музой была для Петра Капицы его верная супруга. Человек незаурядного ума и волевого характера, Анна первой сделала предложение руки и сердца своему будущему мужу. Карьерные взлеты и падения, основание МИФИ и мировой триумф – Нобелевская премия по физике 1978 года – все это вехи удивительной жизни Петра Леонидовича, которые нельзя представить без верной Анны Алексеевны. Эта книга – сокровищница ее памяти, запечатлевшей жизнь выдающегося ученого, изменившего науку навсегда. Книга подготовлена Е.Л. Капицей и П.Е. Рубининым – личным доверенным помощником академика П.Л. Капицы, снабжена пояснительными статьями и необходимыми комментариями.

УДК 53(092)(470)

ББК 22.3Г

ISBN 978-5-17-098101-4

© Капица А. А., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

От составителей	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Из первого дневника Ани Крыловой. Угличь, 1917	9
«Ты должна записать мои рассказы...»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Алексеевна Капица **Капица. Воспоминания и письма**

Анна Алексеевна Капица (1903–1996)
Капица, Пётр Леонидович (1894–1984)

От составителей

Анна Алексеевна Капица (урожденная Крылова) прожила со своим мужем, выдающимся русским физиком Петром Леонидовичем Капицей, более 50 лет. Все, кто знал ее, неизменно отмечали ее незаурядный ум и волевой характер. В юные годы Анна Алексеевна собиралась стать археологом. Во Франции она получила соответствующее образование и уже готовилась защитить диплом, но неожиданная встреча с Петром Леонидовичем круто изменила ее судьбу. Она полностью оставила свои собственные интересы и отдала себя служению мужу, хорошо понимая, что, по крайней мере для нее, научная работа несовместима с положением жены Капицы. Как показало время, она оправдала взятые на себя обязательства – во всех сложнейших жизненных коллизиях Анна Алексеевна всегда была рядом с мужем, поддерживала его, разделяла с ним не только радости, но и тяжелые испытания.

Еще при жизни Петра Леонидовича Анна Алексеевна привела в порядок его громадный и очень разноплановый архив. После кончины мужа она много сил положила на создание Мемориального музея, была, без сомнения, главным идейным вдохновителем его обустройства и работы. Весь архив Капицы она передала в этот музей.

Анна Алексеевна всегда сознательно отодвигала себя на второй план и даже в экспозиции музея свела к минимуму свои изображения. Нам, к примеру, с большим трудом удалось уговорить ее вытащить из «подполья» очень красивый мраморный бюст работы скульптора А. Портянко.

После смерти Анны Алексеевны ее наследники передали сотрудникам Мемориального музея тот архив, который она до последнего дня хранила дома и который, как она, видимо, считала, больше касался ее самой. Там мы обнаружили обширную переписку Анны Алексеевны с самыми разнообразными людьми. Среди ее корреспондентов были и выдающиеся ученые, и деятели культуры, а часто и просто ее добрые знакомые. И что стало для нас полнейшей неожиданностью, так это дневники Анны Алексеевны. Конечно, многие десятилетия в истории нашей страны особенно не располагали к ведению дневников, но – уже начиная с 50-х годов – ее записи дневникового характера сохранились. Особенно регулярно и много она пишет после смерти Петра Леонидовича в 80-х и 90-х годах.

Кроме того, в наших руках были магнитофонные ленты с рассказами Анны Алексеевны о своей жизни и о людях, с которыми ее сталкивала судьба.

Мы хорошо знали и очень любили Анну Алексеевну, и нам хотелось отдать должное этой, безусловно, выдающейся женщине. Так и родилась эта книга. Она составлена в основном из ее воспоминаний, писем и дневников. Анна Алексеевна прожила долгую жизнь, охватывающую практически весь двадцатый век. Рожденная еще до Октябрьского переворота, она прошла через годы эмиграции, долго жила в Париже и Кембридже. Затем было возвращение в Россию уже советской гражданкой в самое страшное время сталинских репрессий. Война. В семье Капиц никто не погиб в эти суровые годы, но были долгие девять лет, когда Капица жил, отстраненный от дел, в опальном положении, с минуты на минуту ожидая расправы. После смерти Сталина – возвращение к нормальной жизни в Москве. И еще пятьдесят с лишним лет уже послевоенной истории нашей страны прошли у нее перед глазами. Умерла Анна Алексеевна весной 1996 года, до последнего дня сохраняя полную ясность мысли и живой интерес к окружающим событиям.

ПРЕДИСЛОВИЕ

(С. П. Капица)

Перед вами книга, основанная на дневниках, переписке и воспоминаниях моей матери Анны Алексеевны Капицы. Ее жизнь с удивительной полнотой ложится на весь двадцатый век и, несомненно, отражает – как в ее судьбе, так и в судьбах близких ей людей – это необыкновенно насыщенное событиями время. Время, которым завершается не только столетие, но и тысячелетие истории человечества. Такое утверждение может показаться драматическим преувеличением, однако для него есть глубокие причины, показывающие, почему именно эта эпоха так значима. Более того, именно русский читатель легко поймет это в свете нашего исторического опыта, опыта, отраженного в жизни одной женщины.

С одной стороны, эта книга глубоко личная, но, с другой стороны, жизнь моей матери проходила на фоне самых крупных событий двадцатого века. Она родилась в 1903 году в Петербурге, и ее молодость пришлась на ту замечательную эпоху, которую в европейской истории называют Belle Époque, а в русской литературе Серебряным веком. Недаром ее так привлекала история искусств. Ее отец, Алексей Николаевич Крылов, был крупным ученым и инженером. Именно его идеям и энергии Россия обязана созданием отечественного флота, после того как страна потеряла старый в Русско-японской войне. Этот новый флот служил России как в Первую мировую, так и после Революции, в Великую Отечественную войну, до самого начала которой дед продолжал активно влиять на развитие флота. Он скончался осенью 1945 года в Ленинграде. Город и флот хоронили его как выдающегося деятеля, во все времена служившего своей родине. В 1927 году в Париже моя мать вышла замуж за Петра Леонидовича Капицу, с которым она прожила долгую и богатую событиями жизнь вплоть до 1984 года, когда отец, не дожив трех месяцев до своего 90-летия, скончался в Москве. Мать, пережив распад Союза, умерла в 1996 году. Я и мой брат Андрей родились соответственно в 1928 и 1931 годах в Англии, где тогда жил и работал отец. В 1934–1936 году по решению Сталина мы переехали в Советский Союз. Таковы временные и пространственные рамки жизни нашей семьи.

Я хорошо помню, как глубокой осенью 1941 года, в первый год войны, в Казани, куда из Ленинграда был эвакуирован дед, он, часто при неровном свете коптилки, глухим голосом читал нам свою книгу. А мы с братом, сидя у его ног, затаив дыхание, слушали. Так для нас впервые прошлое стало зримым и реальным – перед нами словно наяву разворачивались картины его детства и молодости. Описанные точным и выразительным языком, эти события теперь уже отделены от нас полутора веками истории.

Отец же не написал воспоминаний, но после него осталась, помимо статей, обширная переписка. Его письма к матери и жене написаны с удивительной теплотой и литературным мастерством и, несомненно, являются интереснейшими документами своего времени¹. Не менее значима его переписка с коллегами и, особенно, с Властью². Этой, некогда секретной, переписке отец уделял особое внимание, а мать неоднократно перепечатывала эти письма с рукописи. Сегодня, когда так обострились взаимоотношения науки и общества, письма отца никак не потеряли своего значения и читаются с неизменным интересом и, я надеюсь, пользой.

Я потому так подробно останавливаюсь на том окружении, в котором жила Анна Алексеевна, что все это нашло свое отражение в ее собственных текстах. Это тем более существенно, что в наше время чрезвычайно возросла потребность в мемуарах, в человеческих документах нашей истории. Причем этот интерес появился у широкого круга читателей, и поэтому так важно понять его происхождение. Мне кажется, что это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, художественная литература как-то потеряла способность к тому, чтобы достоверно,

честно и доступно обобщать и описывать прошлое. Поэтому, быть может, слухи о смерти романа не так уж и преувеличены.

Другая же причина кроется в том, как мы обращаемся со своим прошлым, подчиняя его описание либо сиюминутной политической конъюнктуре, либо крайнему субъективизму, даже невежеству некоторых авторов. А в то же время именно в переломные эпохи особенно возрастает потребность в понимании как недавнего прошлого, так и настоящего. Поэтому, обращаясь к воспоминаниям, читатель надеется, таким образом, самостоятельно разобраться, что же происходило на самом деле и что происходит теперь. Так в минуты кризиса, если не отчаяния, мы все чаще обращаемся к прошлому.

Выше я уже отмечал, что наше время – это не просто конец века или тысячелетия. В конце концов, как по старославянскому церковному календарю, так и по календарям евреев, мусульман или китайцев никакой роковой даты мы как бы и не переживаем. Но тем не менее человечество, несомненно, проходит самый серьезный рубеж в своем развитии за миллион лет своего существования. Именно потому прошедший век так важен, что он подводит нас к самому рубежу всемирного кризиса, середина которого приходится на 2000 год.

Эту критическую эпоху историк из будущего, наверное, будет сравнивать с «осевым временем», когда между VIII и V веком до Р.Х. происходит резкая смена ценностей, управляющих жизнью людей. Именно тогда, практически одновременно, начали появляться мировые религии и новая система ценностей, обращенных к человеку. Сегодня же порвалась связь времен, разрушаются не только исторические структуры и империи, но и общество и семья. Жизнь же каждого из нас оказывается дольше времени этих драматических перемен, а в состоянии стресса мы не можем адаптироваться к таким резким изменениям. Я хорошо помню, как Анна Алексеевна утешала своих правнуков, когда они искали у нее объяснения того, что происходит в стране. Она говорила, что пережила три революции, гибель своих братьев в Гражданской войне, эмиграцию и потрясения времен Сталина и Отечественной войны. Тем не менее этот исторический опыт служил основой ее оптимизма и жизненной силы, что так привлекало к ней близких и друзей. Теперь это завещано в книге, которая лежит перед читателем.

Эта книга обязана своим появлением трудам Павла Евгеньевича Рубинина и Елены Леонидовны Капицы. П. Е. Рубинин в течение почти тридцати лет был личным доверенным помощником моего отца, а затем все последующие годы посвятил работе над его архивом. Именно благодаря его таланту историка и публикатора архив Капицы стал доступен широкому читателю. Е. Л. Капице мы обязаны многочасовыми записями бесед с Анной Алексеевной, которые легли в основу опубликованных ниже воспоминаний.

Семья Капиц выражает им свою глубокую благодарность.

*С. П. Капица
Николина Гора
5 июля 2003 года*

Из первого дневника Ани Крыловой. Угличь, 1917

*Предателя ждали
Найти вы во мне
Ихъ нет и не будет
На русской земле.
Въ ней каждый отчизну
Съ младенчества любитъ
И душу изменой своей
Не погубит³*

(Публикация П. Е. Рубинина.)

21 мая. Были в Покровском монастыре (вечером). В бору и на берегу. Утром в женском монастыре служили последний раз в зимней церкви. Очень богатая. Видели схимницу. В Покровском 4 монаха. Вышли в 4½, пришли в 1½ – Дама одна, Дуня, Маня пошли в сад. В саду сегодня митинг. В Покровском страшно много комаров. Вернулись со сметаной, творогом и рыбой. Переезжая реку, Е.О.А. оперлась на зонтик, он не выдержал, и она свалилась в лодку. Ловили майских жуков. <...>

22 мая. Ездили на лодке с Белоусовыми, с Антошей и В. М. до Зеленого ручья. Разводили костер. Взирались на обрыв. Ходили в лесу, ели кислицу. Они не хотели попробовать. Гребли они и я. Ходили по берегу, искали чертовы пальцы. Назад ехали и пугали В. М., что сорвется паром. Дрались из-за денег, кому платить. Пили чай и говорили о приятном обществе барышень. Говорили: кто барышня, а кто – нет. (Ире – 12 лет, Ане – 14, Мане – 15.) Вечером я и Маня пошли на Австрийский бульвар. Когда шли обратно, то встретили Антошу и пошли с ним и Ю. М. слушать соловья. Для этого влезли на забор дома, где живут австрийские офицеры (оказалось, беженцы). <...>

23 мая. Опять ездили на лодке. Я, Антоша и Маня сели в одну лодку и отъехали, предложив В. М., Люде и Ире другую. Они не захотели. Мы им кричали, чтобы они садились, но они хотели уходить. Тогда мы сели в одну лодку и поехали все вместе. Люда кокетничала. Потом пошли без Люды слушать соловья. Когда провожали Люду, встречаем даму, очень похожую на В. П. Антоша, не долго думая, снимает шапку и говорит: «Здравия желаю!» Вдруг замечает, что это не тетушка. Мы страшно смеялись. Когда шли домой, то видели ежа. «Тага» бросилась на него и отскочила как ужаленная.

24 мая. Сегодня мы первый раз купались. Страшно быстрое течение. После обеда ходили гулять по Рыбинской дороге. <...> Вечером ходили провожать Любочку. Возвращались и говорили о нашей надежде, т. е. велосипеде. Легли в 12 часов.

25 мая. Я не получила ни одного письма, сама все время пишу и пишу. Опять купались. Хотим не пропустить ни одного дня. Тетя Оля больна. Читаю «Вольтерьянец» и никак не могу прочесть. По-моему, в конце, где Нелидова и Павел 1-й, там скучно. Совсем не занимаюсь. Очень хотела бы достать велосипед. А то так скучно. Что будет завтра? Получу ли я письмо? Наверное, нет. Сейчас засушу незабудки, пошлю их Наташе [Бурцевой]. Хотя и так она меня (я надеюсь) не забудет.

Вечером, даже, пожалуй, днем, ходили гулять я и Маня по Рыбинской дороге. Шли разутыми, потом обулись. Вечером провожали Е. И., смотрели на пароход. Уезжали новобранцы. Сидели на скамейке и видели Антошу с товарищем. Разговаривали о какой-то Катеньке. Играли с «Тагой», а с Антошей даже словом не обмолвились. <...>

7 июня. Была опять на службе с Иосифом. Простояла всю службу. Он говорил речь:

300 лет тому назад, когда взошел на престол 1-й Романов, мать благословила его иконой Федоровской Богоматери. Вот теперь произошло чудо, которое мало кто заметил. Под Москвой в г. Коломне одна женщина три дня подряд видела во сне видение Богоматери. Она была со скипетром и державой в руке. Богоматерь приказала женщине, чтобы она нашла икону, похожую на нее. Сначала женщина не верила, но потом пошла отыскивать икону. Она нашла ее в одной церкви, совершенно заброшенной. Это случилось в тот день и, может быть, час, когда Николай II подписывал отречение. После того икону восстановили, и она теперь совершает многочисленные чудеса.

Архиерей объясняет это так:

БОГ помазал на царство Михаила, и также БОГ и сверг Николая II. Теперь нашей Царицей будет Святая Дева Мария.

«Глас Божий – глас Народа».

Мне очень понравилась речь.

8 июня. Вчера вечером здесь ловили вора. Мы хотели ложиться спать, как услышали крики: «Держи! Лови! Бей! вора!» Мы выскочили и побежали ловить или, скорее, смотреть, как ловят. Мы побежали скорее. Видим – ведут. Он в белой рубашке и говорит: «Я ездил на ту сторону». У самого в руках узелок. Он ехал на лодке. Оказалось – не вор, матрос с пристани!

9 июня. Уехали из Углича. Ждали парохода с 12 ч. ночи до 5 ч. утра. Сели и уехали. Прощай, Углич. Я и М. сидели на корме и любовались видом. Я заснула на поезде. Села в вагон, и все лежали и спали. Была гроза. В Петроград приехали 11 июня. Колю⁴ произвели 15 июня. Был Значко-Яворский. Красавец! Все офицеры. Уехали 16 июня в 7 ч. утра, чуть не опоздали на поезд. В школу шли пешком. Я исполняла роль трубочиста. Дым идет, куда угодит, только не в трубу. Купаться хожу к мальчикам. Наверное, поедем в Сырятино⁵.

«Ты должна записать мои рассказы...»

(Е. Капица)

Довольно скоро после того, как я начала работать в Мемориальном музее Петра Леонидовича, Анна Алексеевна стала мне постоянно говорить: «Ты должна записать мои рассказы о нашей жизни». Наши разговоры с магнитофонной их записью начались в 1991 году. Я часто приходила в ее уютную красивую квартиру, мы усаживались в глубокие кожаные кресла, и Анна Алексеевна начинала свой рассказ о прожитом. Она больше любила вспоминать свою жизнь с Петром Леонидовичем, для нее было главным сохранить как можно больше правдивых и прямых свидетельств. Она хотела в меру своих сил уберечь его биографию от всяческих измышлений и лжи. Но иной раз разговор принимал другой оборот, и Анна Алексеевна возвращалась мыслями к своему детству и юности, к тем годам, которые во всех архивных материалах она помечала «до Петра Леонидовича». Эти рассказы были уже о семье другого выдающегося русского ученого – Алексея Николаевича Крылова, и снова любое ее свидетельство было бесценно.

Когда образовалось несколько пленок, Анна Алексеевна отдала их расшифровать замечательной женщине – Тамаре Сергеевне Герасимовой. Тамара Сергеевна, вдова знаменитого антрополога М. М. Герасимова, всю жизнь работала стенографисткой в Академии наук и была очень дружна с нашей семьей. Отдавая Тамаре Сергеевне пленки для расшифровки, Анна Алексеевна преследовала сразу две цели – с одной стороны, ей очень хотелось поскорее увидеть результат нашей совместной работы, но наряду с этим она стремилась очень тактично поддержать Тамару Сергеевну материально, зная, что та живет лишь на свою пенсию.

В результате я стала обладателем объемистой стопки листов с записями рассказов Анны Алексеевны. Из них и были выстроены публикуемый ниже тексты («Ты должна записать мои рассказы...», «Свадьба и жизнь в Кембридже» «Из воспоминаний Анны Алексеевны»). Еще во время записи обращало на себя внимание то, что в ее воспоминаниях была некоторая «неравномерность». Какие-то эпизоды она рассказывала очень «отточенно», «подготовленно», а некоторые довольно продолжительные периоды были почти стерты из ее памяти, или она их излагала со значительными неточностями. Много лет спустя, уже после смерти Анны Алексеевны, мы обнаружили большое количество ее дневниковых записей. Писала она нерегулярно, от случая к случаю. Значительная часть записей посвящена Петру Леонидовичу, их совместной жизни. И видно, что именно те моменты, которые она уже обдумала и записала, в дальнейшем она рассказывала особенно легко. Но интересно, что, несмотря на большое количество этих записей «для себя», она всегда отвергала предложение самостоятельно написать воспоминания «для публикации». Однако, получив составленный мной текст, она внимательно его прочитывала и вносила те изменения и уточнения, которые считала необходимыми.

Родилась Анна Алексеевна в 1903 году, и перед ее глазами прошел почти весь двадцатый век. До последних дней, а скончалась она в возрасте 93 лет, сохранила Анна Алексеевна живейший интерес к происходящему, темпераментно переживая наши политические и бытовые коллизии. «Жизнь человека длится, пока ему интересно», – любила она повторять.

«Я была пятым ребенком в семье. Первая девочка, названная Анной, умерла в семилетнем возрасте от общего туберкулеза. Вскоре родилась еще девочка, ее снова назвали Анечкой, но ей не суждено было прожить и нескольких месяцев. Потом появились мои братья, погодки – Коля и Алеша, а еще спустя лет шесть снова родилась девочка, и ее снова назвали Анной, – это и была я. Я – Анна третья».

Я была поражена таким упорством в выборе имени для дочери. Ведь даже очень здравомыслящий человек, на мой взгляд, не мог не поддаться ощущению рока, висящего над именем Анна.

«Я думаю, – объяснила мне Анна Алексеевна, – имя Анна было так дорого моей маме вот почему. Моя бабушка умерла очень рано. Дедушка Дмитрий Иванович Драницын, был чиновником довольно высокого ранга, вот и натура у него была чиновничья. Мне рассказывали, что человеком он был очень малоприятным, такой самодур – деспотичный и грубый. Детьми своими, которых у него было четверо, он тяготился, никакой привязанности к ним не испытывал, а овдовев, постарался поскорее распределить их в разные институты подальше от себя. Мою маму еще маленькой он забросил в институт в Казань. И вот с этого времени большое участие в ее судьбе начала принимать родная сестра ее матери – Анна Ипполитовна Тюбукина-Филатова. У них с мамой возникла какая-то особая душевная близость, они очень привязались друг к другу, стали очень дружны. Бесконечная любовь и благодарность Анне Ипполитовне, заменившей ей мать и согревавшей маму в ее сиротстве, и побуждали всех рождавшихся девочек называть в ее честь».

Анна Алексеевна была всегда яркой феминисткой. Она постоянно повторяла: «Нельзя, чтобы половина населения не принимала участия в общественной и политической жизни страны». И очень становятся понятны истоки этих убеждений, когда слушаешь ее рассказ.

«Каникулы мама всегда проводила в имении у Анны Ипполитовны среди всей нашей многочисленной родни, а родня у нас была колоссальная – Филатовы, Ляпуновы, Жидковы, Сеченовы. Молодежь – бесконечное количество двоюродных братьев и сестер приблизительно одного возраста, очень либеральные и просвещенные люди. Достаточно сказать, что племянницей моей бабушки была знаменитая революционерка Вера Фигнер. И мама все время вертелась в этом либеральном обществе. Неудивительно поэтому, что, окончив институт в Казани, она сразу же решила ехать в Петербург и поступать там на Высшие женские (Бестужевские) курсы. Тогда в либеральных кругах считали, что в России должна быть культура и женщине непременно нужно продолжать образование, работать, быть самостоятельной, а не только женой и матерью».

В Петербурге и произошло знакомство юной Елизаветы Дмитриевны Драницыной с блестящим морским офицером Алексеем Николаевичем Крыловым. Надо сказать, что они были достаточно близкими родственниками – троюродными братом и сестрой.

«Когда мама решила ехать в Петербург поступать на Курсы, – продолжает свой рассказ Анна Алексеевна, – Анна Ипполитовна написала в Петербург своей родственнице Софье Викторовне Крыловой и попросила опекать молодую девушку. И тут довольно скоро начался роман у мамы с Алексеем Николаевичем. Софья Викторовна была сначала в ужасе: как это так, ей поручили девушку, и вдруг сын решил на ней жениться. К тому же – близкие родственники. Но в конце концов все уладилось. Мама вышла замуж, еще не окончив Курсы, – выпускалась она уже не Драницыной, а Крыловой».

Карьера Алексея Николаевича Крылова была блестящей и стремительной. Ко времени рождения Анны Алексеевны – он уже крупный ученый, математик, кораблестроитель, произведен в подполковники.

«В моих детских воспоминаниях отец – высокого роста, плечистый, с густыми черными волосами и окладистой черной бородой. Творчество всегда его поглощало, оно было частью его жизни. Алексей Николаевич никогда не бывал праздным, чтобы отвлечься от одной работы, он находил другую. Но это не был кабинетный ученый, он всегда был среди людей. Блестящий рассказчик, очень остроумный, он любил веселый соленый анекдот и шутку. В молодости папа играл в теннис, ездил на велосипеде и очень увлекался стрельбой в цель.

Когда я была совсем маленькой, мы жили на Зверинской, это недалеко от Тучкова моста, на Петроградской стороне. И вот там, на Зверинской, я помню бабушку и дедушку Крыловых, которые постоянно к нам приходили. Дедушка меня всегда дразнил, и поэтому я его немного побаивалась. Бабушка очень любила нас всех обшивать – всевозможные блузы, которые мы носили летом, – это все было сделано руками бабы Сони. Я воспитывалась очень демократически, по нашим теперешним выражениям. Папа был достаточно обеспеченным человеком, но у нас в семье никогда не было стремления к роскоши, была хорошая интеллигентская среда. Любимой книгой мамы был Некрасов, особенно «Русские женщины». Они запали мне в душу с самого детства. Вероятно, отсюда мое чувство долга перед Петром Леонидовичем – дружба и стремление никогда не подводить, полное доверие, полная поддержка во всех случаях жизни.

Позже мы переехали на Каменноостровский, где родители снимали очень хорошую большую квартиру на втором этаже. У нашего дома был громадный задний двор и большой запущенный сад. Во дворе дома находился крошечный механический завод, принадлежавший друзьям Алексея Николаевича. На этом заводике делали все его необыкновенные приборы. Этот маленький заводик был знаменит именно изготовлением уникальных приборов ручной работы».

Анна Алексеевна доставала старинные альбомы, и, как бы в подтверждение ее слов, с любительских фотографий тех времен на нас смотрели молодые ее родители с веселыми лицами. Запечатленным оказался и Алексей Николаевич, стреляющий в цель, а рядом на фотографии видно, как он с явным удовлетворением рассматривает мишень. Большие компании, совершающие велосипедные прогулки, и среди них родители Анны Алексеевны и чета Боткиных – Александр Сергеевич и Мария Павловна, урожденная Третьякова.

«Лето и зимние каникулы, – поясняет Анна Алексеевна, – мы обычно проводили на даче в Финляндии. Это был небольшой деревянный сруб, который родители выстроили одновременно со своими друзьями, дачи которых располагались вокруг нас. Кстати, нашими большими друзьями и соседями были Боткины, но у них был громадный дом и множество всяких строений вокруг – как-никак Боткины и Третьяковы, очень состоятельные люди. А наш дом был небольшим и стоял очень симпатично, на громадных кусках гранита вместо фундамента. Любимым нашим развлечением в детстве было лазать под него.

Перед дачей – большой луг, а потом Финский залив. Летом нам предоставлялась полная свобода: лес, лужайки, берег моря, лодки, купанье. Никто не останавливал наших шалостей. Мы лазали по деревьям как кошки, бегали до осени босиком, в дождь, в ветер, было очень весело. Нас было много – мои двоюродные сестры всегда жили с нами. Мы вполне наслаждались жизнью, там было очаровательно.

У меня были роскошные волосы, которые я, надо сказать, терпеть не могла. Особенно когда мама распускала их и, любуясь, расчесывала. Я вообще хотела быть мальчиком. Мама сшила мне штанишки, я закручивала косы вокруг головы и бегала как настоящий мальчишка. И меня очень забавляло, когда меня в самом деле принимали за мальчика.

Однажды, еще до войны, был такой случай. Папа дал какой-то совет одному очень знаменитому человеку по фамилии Захаров. Это был грек, один из самых богатых людей Европы, занимавшийся вооружением. Захаров был за это очень благодарен Алексею Николаевичу, а денег, очевидно, папа от него не получал. И тогда он прислал мне громадный сундук с великолепной куклой и со всем абсолютно набором одежды к ней, начиная с перчаток, да еще трех цветов – белого, розового и голубого. Это был совершенно роскошный подарок, все дети умирали от зависти, а мне было как-то все равно. Я в куклы не играла и всё говорила папе: «Ну почему Захаров не прислал тебе маленького тигренка, было бы гораздо интересней». Зато потом моя тетушка жила довольно долго на этой кукле, продавая во время голода после революции вещишки из ее приданого.

Мои два брата, Коля и Алеша, были абсолютно разные. Коля – высокий, черный, человек в себе, очень сдержанный, а Алеша, наоборот, был маленького роста, необыкновенно живой, контактный, веселый, блондинистый. Все его обожали и звали Лялька, не больше не меньше. И вот этот Лялька был необыкновенно мне нужен, потому что он всегда делал мои уроки. Я кричала: «Лялька, я не знаю, что тут в арифметике делать, пожалуйста, помоги мне». Лялька приходил и с удовольствием мне помогал. Мои братья учились блестяще, они оба были очень способные, особенно к математике, да и ко всем остальным предметам тоже. А я прилежанием не отличалась, зачем мне было надрываться. Ведь я была неслыханно избалованна. Да и как могло быть иначе – единственная девочка, которую так хотели, во что бы то ни стало. Ясно, что я была избалованна до предела. Это очень мешало мне в жизни, и еще долго с этой чертой характера мне приходилось бороться».

Уже после смерти Анны Алексеевны ко мне в руки попали сохраненные ею школьные тетрадки и аттестационные ведомости за первые годы обучения. И действительно, аккуратностью тетрадки не блещут, да и оценки весьма средние, разве что языки – французский и немецкий – давались ей очень хорошо. Встречаются записи «Очень болтлива и неусидчива», «С места отвечает хорошо, но связным рассказом затрудняется» и т. п. Но что поразило меня более всего, так это оценки по рисованию. Забегая вперед, скажу, что именно в рисунке и живописи в наибольшей степени проявился у нее талант впоследствии. В школе же по рисованию она получала всегда лишь «едва удовлетворительно».

«Иногда вдвоем с мамой, – вспоминала Анна Алексеевна, – мы ездили к Анне Ипполитовне, «бабе Анюте», той самой, в честь которой я была названа. Братья предпочитали оставаться на даче в Финляндии, потому что там они всегда были заняты, что-то строили, мастерили. У бабы Анюты было малюсенькое имение в Симбирской губернии. Оно называлось очень смешно – Сырятино, но нам казалось, что это не от сырости, а от чего-то другого. Сырятино было для нас чудным местом, куда мама всегда ехала с восторгом, с огромным удовольствием. На железнодорожной станции нас уже поджидал бабушкин экипаж с ее любимым кучером Емельяном Ивановичем, которого мы все обожали. В моих воспоминаниях мы приезжали всегда вечером, и нам приходилось ехать еще верст пятнадцать, может быть двадцать. И вот уже в сумерках мы едем по этим бескрайним степям, и куда ни посмотришь – где-нибудь пожар, горит деревня. Это воспоминание детства совершенно яркое: мы едем, а где-то на горизонте горит.

Мы приезжали в деревню к бабушке. Баба Анюта восклицала: «Лизочка, как хорошо, что вы приехали». Нас устраивали в очень уютную комнату. Это был такой старый дом, с портретами, с фарфором, очень симпатичный. Выходила тут же кухарка, толстая, ее очень смешно звали, но я никак не могу вспомнить, как, – у нее было очень странное русское имя. Она хлопотала вокруг нас, делала какие-то пампушки, а утром мы сидели на террасе, перед нами был чудный сад, и бабушка радовалась. Очень всегда было хорошо у бабушки».

В альбоме у Анны Алексеевны я нашла фотографию Сырятина, а рядом было вклеено письмо к ней от одной из ее многочисленных тетушек. К сожалению, подписано письмо было просто «тетя Лиля», и мне не удалось установить более точных сведений о ней:

«Дорогая Аня, посылаю тебе фотографии твоих родителей и сад в Сырятине, посаженный руками тети Анюты. <...> Белый столб – это солнечные часы. Алеша (А. Н. Крылов. – Е. К.) их сделал, и в 12 дня все часы в доме поверялись по ним. <...> Помню, как радостно трепыхались сердца, когда летом мы подъезжали к Сырятину. Нас встречали на балконе дяди, тети и любимые кухни петербургские. Поцелуи, радостные восклицания, беспричинный смех, смех юности. Гувернантки остались дома. Взрослые нас не наблюдают. Какое раздолье! Большие в гостинной. Бабушка у своего столика вяжет бесконечный чулок, на столике колода карт, очеш-

ник, табакерка с нюхательным табаком. Мы носимся по двору, в конюшнях, опустошаем сад, перелетая, как стая воробьев, с крыжовника на вишни и яблони, бегаем купаться несколько раз в день. Непрерывное веселье, дружные крики и смех, смех...»

Неудивительно, что Елизавета Дмитриевна «всегда ехала туда с восторгом».

«Рядом в другом имении, через овраг, – продолжала Анна Алексеевна, – жил двоюродный брат бабушки, тут же были церковь, школа. Баба Анюта была известна тем, что она всех всегда лечила. В ранней юности во время последней турецкой кампании она была сестрой милосердия. И после – какая бы ни была война: 1905-го года – бабушка сестра милосердия, 14-го года (бабушка уже очень пожилая) – и опять она сестра милосердия».

В одном из семейных альбомов Анны Алексеевны есть такая страница: сверху написано – «Три поколения», и приклеены три фотографии, три медицинские сестры в косынках с красными крестами и в белых одеждах – Анна Ипполитовна, Елизавета Дмитриевна (на войне 14-го года) и она сама во время Великой Отечественной войны. Видимо, для Анны Алексеевны было очень внутренне важно, что она приняла семейную эстафету в этом благородном деле.

Мы не раз с Анной Алексеевной разговаривали о положении в современных общеобразовательных школах, о преимуществах и недостатках и частных, и государственных школ. Она рассказывала мне, как училась сама:

«Образование и мои братья, и я получили в очень интересной частной школе. Она называлась «Реальное училище для совместного обучения В. П. Кузьминой, основанное группой педагогов», и в скобках стояло – нормальная общеобразовательная школа. Дело в том, что еще со времени ученья на Бестужевских курсах моя мама подружилась с целым кланом учителей-единомышленников, сторонников свободного обучения. Они решили создать свою собственную школу, где они могли бы проводить свои идеи. Было в нашей школе очень много нового. Как можно понять уже из названия, обучение было совместное – и мальчики, и девочки, классы маленькие – человек 8-10. Не существовало еврейской квоты, и у нас было очень много маленьких еврейских детишек, с которыми мы дружили с самого начала нашей жизни, и не было никогда никакого антисемитизма, даже признака, нам это просто и в голову не приходило. Нас учили прекрасные педагоги, особенно сильно давали математику и языки. Был танцевальный класс, где преподавал совсем юный танцор Романов, который потом стал одним из самых знаменитых хореографов в Мариинском театре. Мама принимала в нашей школе большое участие, заведовала там библиотекой и преподавала иногда историю. Мы очень любили школу, очень, и были необыкновенно дружны».

Здесь мне хочется прервать рассказ Анны Алексеевны воспоминаниями ее школьной подруги – Наташи Бурцевой. Спустя много лет, Наталия Николаевна стала женой выдающегося русского химика Н. Н. Семенова, а их дружба с Анной Алексеевной продолжалась почти 85 лет, до самой кончины. Умерли они в один год с разницей всего в несколько месяцев.

«Когда мне было 10 лет, – рассказывала мне Наталия Николаевна, – родители записали меня в частную школу В. П. Кузьминой. И почти сразу я обратила внимание на симпатичную девочку с толстой черной косой. Очень скоро мы с ней подружились. Девочку звали Аня Крылова. Мы были очень разные по характеру. Я – скорее чуть робкая, недаром у меня потом образовалось прозвище «Бэби», немножко наивная, немножко застенчивая, в то время как Анечка отличалась довольно решительным характером. Несмотря на то что она была на год меня моложе, наши отношения, которые очень быстро перешли в настоящую крепкую дружбу, всегда основывались на том, что Анечка меня опекала, мне диктовала, могла критиковать меня за какой-то поступок или ориентировать на какое-то действие. И я ей подчинялась. Но надо сказать, что это меня совсем не тяготило. Школу мы так и прошли вместе».

Анна Алексеевна всю жизнь бережно хранила тонкую связочку писем своих школьных подруг, написанных в основном, когда они все разъезжались на летние каникулы. В одном из писем Наташи Бурцевой есть такие строки:

«...Знаешь, Анечка, вот я теперь думаю, из всех моих трех одинаковых подруг – Нины, Юли и тебя, ты мне теперь нужнее всех, без тебя я больше всех скучаю, твоих писем я больше всего жду, с тобой мечтаю увидеться! И это не оттого, что я их стала меньше любить. Нет! Но за эту зиму мы с тобой очень сблизились, у нас все было общее, и радость, и неприятности, и огорчения! Правда? А помнишь, ты, когда читала «Накануне», говорила, что мы непременно с тобой поссоримся, и на всю жизнь. А мне, наоборот, кажется, что мы подружились на всю жизнь! Не знаю уж, кто прав...»

Как показала жизнь, права была Наталия Николаевна.

В связи со школьными годами Анна Алексеевна рассказала и о своей первой поездке за границу.

«Наши мальчики кончили школу весной 14-го года и получили аттестаты зрелости – это был первый выпуск. В ознаменование этого родители и школьное начальство решили поехать на экскурсию за границу, чтобы показать детям Европу. Был закуплен большой тур, и было нас человек 15–20: дети, родители, педагоги. Меня тоже взяли с собой. Сначала мы были в Париже, потом – в Швейцарии, всё осматривали, всюду бегали... У меня сохранилась масса фотографий».

Анна Алексеевна подошла к полке и достала старинный альбом. В нем множество фотографий, запечатлевших это путешествие: виды Парижа, даже Альпы, куда они поднимались.

«И в Швейцарии, – продолжает Анна Алексеевна, – нас застала война. Мы оказались в полном бедствии, ведь у нас все было предусмотрено условиями тура, заранее оплачены обратные билеты, но были они через Германию. Сразу стало понятно, что с нашими молодыми людьми мы через Германию ехать не можем. Значит, надо было ехать круглым путем, а круглой путь требует денег. Все было сделано довольно быстро: кто-то деньги занял, что-то нам перевели, но с этого времени мы путешествовали уже самым дешевым образом, только бы доехать. Добирались мы восточным берегом Италии, вдоль Адриатики до порта Бари и там сели на пароход.

Плыть было страшно интересно. Мы все жили на палубе, кругом – совершенно необыкновенные люди. Я с восторгом смотрела на албанцев, которые ходили в это время в юбочках, это был их национальный костюм – коротенькие юбочки в складку, очень живописные на фоне моря и гор. Особенно поразил меня на пароходе «древний грек»! Красивый человек, с длинными волосами до плеч, в сандалиях на босу ногу и обернутый в белую тогу. Я узнала, что это брат Айседоры Дункан. Он был привержен, как оказалось, жизни древних греков, их одежде и имел многочисленных последователей в Европе. Так что мы на фоне Древней Греции увидели «древнего грека». Интересно было невероятно. Остановились в Пиреях, и тут же все бросились смотреть Афины. Афины оставили во мне неизгладимое впечатление на всю жизнь. Вообще, эта поездка запечатлелась в глазах и уме. Яркое солнце, выжженная желтая трава, синее море и не белый, а какой-то золотистый мрамор. Большие ступени к Акрополю. Чудеса кругом. Мне было 11 лет, но воспоминание осталось на всю жизнь. Насмотревшись Акрополя, мы поехали дальше – до Салоников на пароходе, а там сели на поезд и через Сербию в конце концов добрались до Ниша. Сербия в это время уже воевала, и Россия была на ее стороне. Помню очень хорошее отношение к нам сербов: нас кормили, поили, за нами ухаживали всячески, даже в поездах, которые были набиты до отказа, нас клали спать. В конце концов, через Болгарию и Румынию мы приехали на юг России. Все путешествие было для меня чудесным приключением. Так много надо было всего кругом увидеть, что обращать внимание на взволнованные разговоры взрослых просто не было времени. Одно запомнилось: нашим мальчикам 16–17 лет,

как бы их не задержали где-нибудь. Конечно, нашим учителям и родителям пришлось нелегко, но им удалось выводить всю нашу компанию из очень трудных ситуаций.

Из путешествия мы вернулись уже в военный Петроград. Шла эта страшная война. Война начала менять жизнь и нашей семьи. Мама кончила курсы медсестер и все время работала в разных госпиталях, в лазаретах. Да и в доме у нас постоянно бывали, а иногда и жили раненые солдаты. Мама вела довольно большую работу, но все это было совершенно незаметно, как само собой разумеющееся. Детей военные события пока не коснулись – братья поступили в Политехнический институт на кораблестроительный факультет, а я продолжала учиться в школе.

Примерно в это же время у папы возник очень серьезный роман с Анной Богдановной Ферингер. Для мамы это был тяжелейший удар – узнать о папиной измене. Она была в этом отношении безо всяких компромиссов и не могла даже подумать, что если Алексей Николаевич ей изменяет, то может быть хоть какое-нибудь прощение. Мама поручила нас своей сестре – Ольге Дмитриевне, а сама уехала на фронт сестрой милосердия. Когда мама уехала на фронт, папа был очень этим озадачен, но мама, если что-то важное решала для себя внутренне, то уже не могла от этого отойти».

Сохранились два письма, написанных маленькой Анечкой на фронт «Сестре Е. Д. Крыловой». Они полны милых любой матери подробностей детской жизни и тоски от разлуки.

«Дорогая моя мамочка, я и все мы здоровы. Я еще не получила четверть, но наверное скоро напишу тебе мои отметки. У нас уже шел снег, т. е. не снег, а дождь вместе со снегом, но все-таки в саду трава покрыта снегом, но он очень быстро тает, и получается грязь, и еще притом жидкая. <...> Мы по большей части обедаем все в разное время. Я сегодня буду брать ванну и напишу тебе, промылись ли мои волосы или нет. Я думаю, что нет, потому что они никогда не промываются, а если и промываются, то плохо. <...> Наша учительница, Антонина Иосифовна, считает знаки препинания за ошибку! Но я все-таки не особенно много делаю ошибок. Елизавета Александровна нашему классу читает столько нотаций, что прямо ужас. Она делает так: перед уроком, во время урока и после урока читает нагоняй. Ты должна приехать к Рождеству непременно. Напиши мне, сколько я сделала ошибок. <...> До свидания, моя милая, и дорогая, и золотая, и серебряная мама.

Любящая тебя очень и очень твоя Аня.

Р. S. У меня волосы более или менее промылись».

«Дорогая моя мама, я хочу к тебе приехать, здесь очень гадкая погода. Сообщаю тебе две неприятные новости. Во-первых – Лялька, едзя на мотоцикле, ушиб так себе ногу, что лежит уже третий день. Во-вторых: нашу дачу в Финляндии обокрали. Видишь, как все гадко, поэтому я и хочу к тебе приехать, еще я хочу посмотреть войну, это меня очень интересует. Ты должна приехать на Рождество непременно, а то мне будет без тебя скучно. <...> Приезжай к нам и возьми меня на войну вместе с тобой. «Я не хочу учиться, а хочу воевать». Ну, до свиданья, моя мамочка. Ты приедешь и возьмешь меня, правда ведь? Тебя все целуют.

Любящая тебя очень твоя Аня».

«На фронте, – рассказывала Анна Алексеевна, – мама пробыла около полугода, и, когда вернулась домой, внешне у нас в семье все сохранялось как прежде. Но война продолжалась, и жить становилось все сложнее и сложнее. К тому же весной 16-го года начался призыв студентов младших курсов в действующую армию. Братьям пришлось уйти из института, и они поступили в юнкерские училища: Алеша – в Михайловское артиллерийское, а Коля – в Инженерное. Это давало возможность идти в армию не солдатами, а самым младшим офицерским чином, прапорщиками, наверное.

Кончался 16-й год. Я хорошо помню волнение в доме – убийство Распутина, радость, разговоры, детали убийства. Это взбудоражило всех, произвело колоссальное впечатление на

всю интеллигенцию. Говорили о том, что делается на фронте, какой развал. После Нового года, 1917-го, начались бурные события. Конец февраля – революция, отречение царя, общая радость, все вздохнули свободно. Интеллигенция встретила Февральскую революцию очень хорошо.

Запечатлелись в памяти споры взрослых, которые меня мало касались, и такая картина: белая кафельная печка, фигура папы. Он или стоит около печки, или сидит утром за столом, но видна только газета. Он просматривает «Новое время». Мама читает «Речь».

Летом 17-го года стало трудно с продовольствием, и было решено, что старшие классы нашей школы вместе с некоторыми родителями переедут на юг в Анапу. На юге можно было выжить лучше.

С этого времени семья наша распалась окончательно – мы с мамой уехали в Анапу, папа остался в Петрограде, братья ушли на фронт. Коля довольно быстро соединился с нами в Анапе. Алеша воевал до полного распада германского фронта».

У Анны Алексеевны хранилось письмо брата Алеши, написанное им в декабре 1917 года с фронта:

«Дорогая Анечка!

Я получил недавно твое письмо, за которое очень тебе благодарен. Сейчас я сижу в своей землянке и дежурю при телефоне (ты, наверное, знаешь, что я назначен в команду телефонистов). Я устроился очень хорошо и чувствую себя отлично, гораздо лучше, чем прежде. <...> Мир уже почти заключен – наверное, вы это знаете, у нас каждый день происходит братанье. Завтра я пойду посмотреть, в чем оно состоит, и тогда допишу письмо. <...>

Сейчас получена телефонограмма, что переговоры о мире прерываются, т. к. союзники, а за ними и немцы, отказались от мира без аннексий и контрибуций. Объявлена мобилизация (недавно у нас началась демобилизация), идет на фронт Красная гвардия – очевидно, Троцкий хочет запугать немцев, но вряд ли ему это удастся. В общем, кажется, опять будем воевать, хотя мы абсолютно не можем сдержать наступление немцев, если они вздумают наступать. Пока еще определенного ничего не известно...»

«Через некоторое время Алеша покинул Западный фронт, – продолжает свой рассказ Анна Алексеевна, – и включился в Белое движение. Коля тоже ушел в Белую армию, хотя он был абсолютно невоенным человеком, воевать для него было ужасно. Но как офицер он не мог не войти в эту Армию. Алеша со своим темпераментом больше подходил к войне, она его как-то захватывала. Очень скоро мы с мамой получили известие, что Коля убит под Ставрополем (17 ноября 1918 года).

В 19-м году к нам в Анапу на короткий срок заехал Алеша и отправился дальше в Новороссийск. Там он вскоре поступил на бронепоезд, воевал и под Харьковом тоже был убит. (9 июля 1919 года).

Эти страшные смерти, гибель обоих сыновей, потрясли маму. Она была в ужасном состоянии. У нее произошел какой-то душевный переворот – она стала очень религиозным человеком и в этом находила успокоение. Мама решила, что меня нельзя оставлять в России – того и гляди я тоже уйду на фронт, тогда такое было настроение. А любила меня мама страстно. Но это я оценила много позже и, вероятно, часто доставляла ей если не горе, то боль. Но я была совершенно самостоятельна в своих вкусах, своих связях, дружбе и вообще в жизни. Я тоже очень любила маму, но близости, которой ей бы хотелось, у нас не было.

Мама решила эмигрировать, и мы уехали за границу вместе с нашими друзьями Скрипичными. В Новороссийске сели на какой-то французский полугрузовой пароход, где спали и жили в трюме. Пароход, видимо, довез нас до Константинополя. Помню, что там я заболела и мы сняли комнату в Галате – это был самый бедный морской квартал. Но, несмотря ни на что, успели посмотреть Святую Софию.

В конце концов мы добрались до Женевы и на какое-то время осели там. У Скрипицыных в Женеве был свой дом, а мы с мамой рядом снимали комнату, очень симпатичную. С этого времени, хочешь не хочешь, мне пришлось стать серьезной, взяться за ум. Начала изучать английский язык, ведь французский я знала достаточно хорошо. Меня заинтересовало искусство, и я поступила в Ecole des Arts et Metiers (Школа искусств и ремесел). Это была школа, где изучалась и живопись, и разные прикладные вещи.

Через некоторое время мы решили перебраться в Париж. Жизнь в Швейцарии была очень дорогая. Когда мы переехали во Францию, там уже был в командировке папа. Мы встретились, а до этого, когда жили в Швейцарии, мы с ним только переписывались. Во Франции после пережитой трагедии – гибели сыновей, родители помирились вполне. Мама поняла, что семейной жизни у них не может быть, но дружба и любовь осталась. Существовала я – и для того, и для другого. Они оба сосредоточили свою любовь на мне и как бы в этом снова слились духовно. Их соединило общее горе и любовь ко мне, единственному оставшемуся ребенку из пяти! Папа всегда смотрел, чтоб мы с мамой ни в чем не нуждались, чтоб у нас было достаточно средств.

В Париже папа жил с Анной Богдановной Ферингер, которая и была причиной разрыва родителей. Он занимался за границей самыми разнообразными флотскими делами. Кроме того, он никогда не прекращал научной работы, ведь он был математик, а математику не надо лаборатории, ему нужен карандаш и бумага. Я думаю, что ему просто хотелось жить за границей. Мой отец был всегда вне политических событий. Он для своего класса был чрезвычайно странным человеком, принимал любое правительство, особенно не обращая на него внимания. Все правительства были одинаково плохи для него, он никакого не уважал и никому не доверял. Теперь когда я смотрю на его жизнь, то понимаю, что Алексей Николаевич смотрел на наше правительство как на землетрясение, наводнение, грозы. Что-то существует такое, но надо продолжать свое дело. Поэтому отец совершенно спокойно после Октябрьского переворота оставался, собственно, в том положении, в котором он был, преподавал в той же Морской Академии. И в конце концов ему предложили быть начальником Академии, на что он согласился. Конечно, это было в высшей степени странно: шел 18-й год, папа был полный царский генерал и, несмотря на это, совершенно спокойно стал начальником Академии. И тут ему пришлось читать лекции по высшей математике такому контингенту слушателей, которые, на мой взгляд, не знали вообще математики. Это был младший состав, а не офицеры. Но он был совершенно блистательным лектором и все это превзошел, и его слушатели, главное, это превзошли. Он, собственно, воспитал этих людей. Алексей Николаевич считал, что на нем лежит ответственность за судьбу русского флота и нужно делать свое дело. Он много лет работал за границей, мог там остаться, но ему это не приходило в голову. Его психология очень интересна, потому что это совершенно не психология людей его класса.

В Париже мы с мамой какое-то время жили у Полин, одной из жен двоюродного брата папы – Виктора Анри. Виктор незадолго до этого развелся с Полин, а у нее была громадная квартира в Париже прямо рядом Lion de Belfort, это Denfert-Rochereau, левый берег, Raspail, Montparnasse. Мама была очень дружна с Полин, но когда та стала предлагать нам поселиться прямо в ее квартире, мама отказалась, ей хотелось жить отдельно и независимо, и попросила дать нам две комнаты наверху, предназначенные для прислуги.

У Полин была необыкновенная квартира – в нижнем этаже большого дома, с громадным садом, который как раз был на углу Lion de Belfort. Одно время она держала кур и уток, и в саду был крошечный пруд, где плавали утки, а куры спали на ветках деревьев. Полин была довольно известным ученым, работала в Институте Пастера и даже открывала какой-то микроб».

Анна Алексеевна, рассказывая о своей жизни в Париже в 20-е годы, была очень немногословна. Только значительно позже, разбирая альбомы, я как-то смогла представить себе некоторые ее фрагменты. По-видимому, у них был довольно большой круг знакомых в эмигрантской среде, в основном это были школьные друзья, учителя. Большой молодежной компанией они катались на лодках, разъезжали на велосипедах по окрестностям Парижа. Устраивали пикники, с костром, на котором кипятили чайник. Под одной из фотографий Анна Алексеевна сделала такую надпись: «Все лежат в изнеможении после велосипедной прогулки». Путешествовали они и по югу Франции, а также довольно часто навещали своих друзей Боткиных, которые обосновались в Италии, в Сан-Ремо. Как рассказывала Анна Алексеевна, Мария Павловна Боткина очень увлекалась фотографией, занималась этим практически профессионально. Она-то и приобщила Анну Алексеевну к фотографированию. Они посылали друг другу снимки. На одном из них запечатлен сильный снегопад в Италии, берег моря и сделана приписка: «Совсем как у нас в Финляндии». Увлекалась Анна Алексеевна и альпинизмом. Со специальным снаряжением, в теплых костюмах, связанные одной веревкой, поднимались они в Альпы. Есть фотоснимок: «Я на вершине Монблана».

«В Париже, – рассказывала Анна Алексеевна, – я бегала заниматься живописью на Монпарнас, это было рядом с нашим домом, просто десять минут ходьбы. Там были такие свободные ателье, где стояла натура, ты платил 1–2 франка и мог заниматься. Кроме того, я стала серьезно изучать археологию в Эколь де Лувр. Особенно меня увлекали археологические раскопки в Сирии и Палестине, и я уже собиралась писать дипломную работу по керамике. Лувр и его коллекцию я знала очень хорошо, но мне хотелось поработать еще и в Британском музее в Лондоне. Но сколько бы я ни обращалась в английское консульство в Париже, мне вежливо, но твердо отказывали в визе со словами: «Мадемуазель, зачем вам ехать в Лондон, ведь Лувр такой хороший музей». Я была эмигранткой – гражданкой с нансеновским паспортом.

Как раз в это время в конце лета 1926 года в Париж неожиданно приехала моя самая близкая школьная подруга – Наташа Бурцева. Она тогда уже была замужем за молодым талантливым физиком Николаем Николаевичем Семеновым. Приехала она в Париж из России вместе с мужем, который был командирован за границу для ознакомления с работами разных лабораторий».

Наталья Николаевна Семенова очень любила вспоминать эту поездку:

«Мы были за границей, – рассказывала она мне, – целых три месяца: сначала месяц в Германии, потом месяц в Англии, а потом во Франции. Когда я вышла замуж за Николая Николаевича, я довольно быстро узнала, что у него есть большой друг, русский физик, который живет и работает в Кембридже, – Петр Леонидович Капица. Когда мы приехали в Кембридж, я помню, Петр Леонидович сразу меня к себе расположил своей простотой, чувством юмора, жизнерадостностью и открытостью. Он опекал нас, заботился и все нам устроил хорошо, даже заранее снял домик к нашему приезду. Капица показывал Николаю Николаевичу лаборатории, знакомил с учеными. А потом возил нас на своей машине по всей Англии. После Англии мы уехали во Францию. Приехав в Париж, я, конечно, сразу же стала разыскивать Анечку Крылову, свою любимую школьную подругу. Все время, что мы провели в Париже, мы с ней общались каждый день. А тут и Петр Леонидович приехал из Англии, чтобы побыть с нами еще какое-то время, еще раз повидаться. Здесь и произошло знакомство Петра Леонидовича с Анечкой, при моей помощи, чем я очень горжусь.

Их общение сразу стало очень непринужденным, озорным, с шутками и розыгрышами. Я почувствовала, что они очень подходят друг другу. Через несколько дней был день рождения Елизаветы Дмитриевны, Анечкиной мамы, и мы все были приглашены к ним в гости. Тут выяс-

нилась одна интересная деталь – и мать Петра Леонидовича – Ольга Иеронимовна, и Елизавета Дмитриевна были студентками одного выпуска Высших женских (Бестужевских) курсов».

«Я с удовольствием показывала им Париж, который к тому времени успела хорошо изучить, – продолжает ее рассказ уже сама Анна Алексеевна. – О Капице я ничего не слышала раньше, хотя он был давно знаком с моим отцом и Алексей Николаевич к нему очень хорошо относился. Мы были очень счастливы все вместе и много веселились. Ходили в маленькие ресторанчики и кабачки, в кино и музеи. Петр Леонидович был веселый, озорной, любил выделять всякие глупости, всякие штуки. Он мог, например, совершенно спокойно для развлечения влезть на фонарный столб посреди Парижа и смотреть на мою реакцию. Ему нравилось, что его выходки меня не шокируют и я принимаю вызовы с таким же озорством».

И снова рассказ Н. Н. Семеновы: «Я очень волновалась, как будут развиваться их отношения. Но знала, что с Анечкой нужно держать ухо востро: если я хоть раз намекну о каких-то своих матримониальных замыслах, то все будет кончено. Одно обстоятельство меня успокаивало – Анечка очень хочет попасть в Англию, поработать в Британском музее, а Капица с готовностью предложил ей свою помощь в этом предприятии...»

Вскоре после отъезда, Наталия Николаевна стала получать письма из Франции:

«27 сентября 1926 г., Париж»

...Без вас в Париже грустно, некого дразнить, не с кем драться. И надо будет усиленно заниматься. Это хорошо. Я думаю за зиму много сделать для моей диссертации...»

«3 октября 1926 г., Париж»

...Написала Птице-Капице. Он физик, человек потрясающий. Я получила от него письмо из Кембриджа. Нашел мне археолога на случай моего приезда в Англию. Теперь уверовала, что визу получу, когда нужно будет, наверняка. Но не поеду раньше марта-апреля, нельзя по причине диссертации...»

Письмо Анны Алексеевны Птице-Капице, то самое, о котором она упоминает, я обнаружила в архиве Петра Леонидовича, как и еще несколько писем и записок того времени, относящихся к началу их знакомства.

«6 октября 1926 г., Париж»

Милый Петр Леонидович, спасибо большое за археолога, это очень хорошо, я ему обязательно напишу, когда соберусь в Лондон. Сейчас это не удастся, я думаю, что приеду только в марте или еще позднее. Сейчас никак нельзя. Я теперь совсем спокойна, что виза у меня будет.

Когда поеду в Лондон, то, конечно, больше всего буду сидеть в Британском музее, два отдела меня больше всего интересуют – восточный и греческой керамики.

Я очень жалею, что не могу поехать сейчас, но это никак нельзя переменить, хоть и хочется очень. Я Вам пересылаю письмо Семеновых, я нашла, что оно к Вам больше, чем ко мне относится, только я жалею, что Наташа его переписала, «муки творчества» пропали. Они остались в Берлине дольше, чем думали. Думаю, что сейчас они или едут или уже в России. А меня тут еще археолог русский уговаривает ехать в Россию – копать.

Бедная птица померла, очень грустно, что не летает никто по комнате.

Когда будете в Париже – заходите.

Всего хорошего. Жму руку.

А. Крылова»

В письмо Анны Алексеевны было вложено «послание» Семеновых:

«[Без даты], Берлин

Если хочешь, пошли это П. Л.

Это послание написано моим супругом и повелителем в вагоне, написано ужасно, с зачеркиванием (муки творчества!!!), страницы идут в обратном порядке, а на нижней стороне – удостоверение, данное от отеля. Я предприняла кропотливый труд – переписать набело это дивное литературное произведение, дабы оно не пропало для потомства, а еще долгие века могло служить ему в назидание. Переписано буквально, если что не нравится – пеняйте на мужа...

Едем и скучаем без наших двух друзей. Перед нами четыре Рудольфа, из них 2 славных и молодых, но они не вцепляются друг другу в волосы, не ломают трубок, не целуют и обнимают Наташу. Нам очень грустно без круглоглазой и круглощекой морды, очень симпатичной, когда она улыбается, и менее симпатичной, когда читает проповеди, как следует жить и поступать. Также и без второй морды с папуасскими волосами и черными угольками вместо глаз, которая силится показать, что она видела все виды и что ее ничем не проймешь, не разыграешь, а потом вдруг, сверкнув угольками, устремляется совсем искренне в бой. Мы сейчас только и думаем о будущем лете, когда мы твердо надеемся увидеть обе наши морды. Мне (Н. Семенов) очень хотелось бы, чтобы обе морды были в России в одно время, признаюсь, уже потому, что тогда прощай Петькина шевелюра, а значит, ему крыть будет нечем.

Петьке: не забудь привезти в Россию чемодан трубок.

Н. Семенов

(с подлинным верно)»

На рождественские каникулы Петр Леонидович приехал во Францию. Он и раньше часто ездил отдыхать в Париж, но теперь его особенно туда тянуло. Они проводили с Анной Алексеевной много времени вместе.

«31 декабря 1926 г., Париж

Милый Петр Леонидович, с удовольствием увижу Вас. И в театр соберусь. Я свободна все вечера, кроме сегодняшнего (31 декабря). Выбирайте сами, какой удобнее.

Всего хорошего.

А. Крылова»

Из писем А. Крыловой – Н. Семеновой:

«17 января 1927 г., Париж

...Около десяти дней гостил в Париже Петр Леонидович. Мы с ним хорошо время проводили, ходили вместе в театр. Он решил меня образовывать, я ведь никогда здесь в театр не хожу. Были в музеях, обедали вместе, вас вспоминали очень много и за здоровье ваше все время пили и жалели, что вас нет. Драться нельзя было: свидетелей нет, а без них нельзя. Правда, сражались словесно, издевались всячески друг над другом, а расстались друзьями после всех битв. Правда, больше говорили о вещах серьезных. Однажды до поздней ночи в ресторане засиделись, вернулись домой только в три часа. Зовет в Англию, говорит, опекать меня там будет. Что ж, я не прочь. Он вас хорошо опекал. Я довольна, что вы мне его завещали. Глаза круглые, рот на сторону, трубка торчит все время. Славный малый. Мне положительно с ним легко быть и очень свободно. Когда поеду в Лондон, еще не знаю. Хотела в марте, да жаль занятия прерывать...»

«21 января 1927 г., Париж

...Я уже писала о Петре Леонидовиче. Что еще сообщить о нем? Однажды мы долго сидели и разговаривали, и я заметила, что у него иногда глаза его круглые становятся очень печальными и смотрят куда-то вбок.

Мы, кажется, пришли с ним к одному выводу, что надо быть веселыми и больше ничего. Людям приятнее видеть веселую и довольную физиономию. Раз это от меня зависит, то я и веселюсь. Зачем попусту грусть и тоску на других нагонять, когда лучше иметь вид веселый и довольный. И так довольно людей, которые этого не понимают. Так что и у него, и у меня были «морды» очень веселые. Редко смотрели вбок. Зачем? От всего можно отучиться, и никогда не надо тоску и грусть другим показывать...»

Пишет Анна Алексеевна и в Кембридж, вспоминает проведенное вместе время и рассказывает о сложностях с получением английской визы.

«14 января 1927 г., Париж»

Милый Петр Леонидович, конечно, будет гораздо лучше, если я Вашего археолога увижу в Париже. Я не люблю писать писем, предпочитаю разговаривать. Постараюсь начистить сапоги, как можно лучше, будут блестеть так, что издали видно будет.

Я, кстати, как только Вы уехали, так постриглась и причесалась, а то времени не было. Хорошо, что Вы мне напоминаете, что все пять конечностей должны быть в порядке, а, вот дело какое, у крыс^б еще хвосты водятся, что с ними делать, указаний в Вашем письме не было?

Так что постараюсь к приезду Вашего археолога стряхнуть с себя всю пыль.

Я сейчас усиленно работаю, и меня даже взяло сомнение, ехать ли в Лондон, ведь это прервет мою работу, а я хочу посмотреть, могу ли я что-то сделать. Если нет, то надо со всем покончить и переменить радикально всю жизнь. Вместо Палестины поехать в Китай и бросить всю археологию. Это все выяснится так через шесть месяцев, за это время я хочу попробовать собрать хоть часть материалов.

Кстати, мальчишка Hals'a очень похож на Парижского, но гораздо лучше по технике, ловко написан, особенно нос и рот.

Всего хорошего, работайте побольше, а для чего, хорошо, что не знаете, так, по крайней мере, можете думать, что для пользы человечества, и этим утешаться.

Жму мышиную лапу крысиными когтями.

А. Крылова».

«11 февраля 1927 г., Париж»

Милый Петр Леонидович,

Сегодня была в British Passport office, и все очень неутешительно, совсем дела мои плохи. Встретили меня там тем, что заявили: «да ведь Вас уже не пустили в прошлом году, почему же вы думаете, что пустят в этом». Я ответила, что вообще ничего не думаю, а просто хочу поехать в Англию. Они мило улыбнулись и сказали, что очень маловероятно, что меня пустят, и вряд ли я там когда-нибудь буду. Я спросила, почему меня не пускают, говорят, что причина не уважительная – учиться всюду, должно быть, можно по их понятиям, и нечего мне по лондонам ездить. Самое лучшее, если я попрошу моих знакомых написать в Home Office и спросить объяснение, почему моя причина недостаточно уважительная. Я не могу им придумать другой причины, просто еду туда, потому что археологическая крыса и надо мне быть знакомой с музеями, особенно такими, как в Лондоне. Я начинаю жалеть, что в Лондоне нет никакого дяди или тетки старой, которые бы могли заболеть или умереть. Ну, да ничего не поделаешь. Я написала Robertson'ам, что они должны написать в Home Office. В прошлом году я просила визу на три недели, потому что это было на Пасху и я хотела там провести каникулы, теперь же мне желательно ее получить на шесть недель.

Собственно говоря, идет разговор о той визе, в которой мне отказали в прошлом году, я тогда подала прошение около 10 марта, теперь я пойду за новостями в British Passport office только после того, как Robertson'ы напишут в министерство. До чего же это все сложно и никому не нужно. Ведь я же еду на короткий срок, вроде как турист, какое же они имеют

право меня не пускать? Я зла теперь страшно, бранюсь все время. Вам интересно, физическая обезьяна, знать, вычистила ли крыса сапоги, когда шла к Robertson[^]. Чистила их несколько дней подряд, не только их, сама постриглась, причесалась, была страшно хороша. Но, о ужас, пошел проливной дождь, так что к Robertson[^] пришла мокрая крыса. Очень было обидно, что красота, так долго и упорно наводимая, была уничтожена! И в консульство, когда шла, тоже сапоги вычистила – но и это не помогло! <...>

Всего хорошего.

Жму Вашу руку и благодарю за хлопоты – боюсь, что они напрасны и что легче мне увидеть несуществующие финикийские храмы, нежели Вестминстерское аббатство!

А. Крылова».

А теперь вернемся снова к рассказу самой Анны Алексеевны:

«Ранней весной 1927 года я получила наконец визу и оказалась в Лондоне. Денег у меня было не очень много, и я поселилась в общежитии YWCA (Young Women Christian Association⁷) – это очень дешевое, всего несколько шиллингов в день, общежитие, где останавливались девушки, которые приезжали в Англию учиться и работать. Со мной в комнате жила симпатичная индуска. Я сейчас же написала Петру Леонидовичу в Кембридж, и он приехал очень быстро. Мы много времени проводили вместе. По субботам и воскресеньям он непременно навещался в Лондон, а иногда и я приезжала в Кембридж. Петр Леонидович любил искусство, особенно живопись, скульптуру меньше. Иногда мы устраивали такое развлечение. Показывали друг другу неизвестные нам картины, и требовалось определить автора. Я занималась в то время историей искусства и всегда угадывала правильно. Петра Леонидовича это забавляло, и надо сказать, он сам быстро стал ориентироваться правильно. Особенно Петр Леонидович любил Тинторетто, всегда старался его узнать».

И опять письма Анны Алексеевны. Как удивительно они дополняют ее рассказ – рассказ девяностолетней женщины перекликается с письмами двадцатичетырехлетней девушки.

«6 марта 1927 г., Париж

Милый Петр Леонидович,

Спасибо Вам за адрес, но я, кажется, буду жить у Христианских девочек (YWCA), я туда написала, и они ответили. Условия подходящие (2,2 фунта в неделю, а может быть еще дешевле, если приедет одна моя подруга, тогда будем жить вдвоем в одной комнате).

Я думаю выехать в среду утром, мне поручают тут заботиться об одной барышне, которая первый раз уезжает одна. Какая я оказалась солидная! Если будете в Лондоне в конце недели, то напишите в этот отель, мне приятно опекуна повидать. Но, вообще, будьте спокойны, я Вас буду мало беспокоить.

В случае, если туда не попаду, напишу Вам мой новый адрес, хотя думаю, что буду пока там жить.

Всего хорошего. Спасибо за визу, что бы крыса без Вас делала бы!?

А. Крылова».

«10 марта 1928 г., Лондон Милый Петр Леонидович,

Хорошо все же приехать наконец в Лондон.

Буду ждать Вас в субботу, если, когда Вы придете, меня не будет дома, то подождите, значит, Крыса в Лондоне не на тот автобус забралась и опоздала. Христианские девочки меня решили заморозить, – думаю, что долго здесь не останусь. Хотя, может, это у Вас так принято в комнатах замерзать. Во всяком случае, я на одну неделю твердо обосновалась здесь.

Послушайте, обезьяна, будьте вежливы и не жмите у Крысы хвоста, а то она кусаться будет.

Кстати, одна из лондонских афиш поразила меня сходством с Dr. Kapitza.

Итак, до субботы.

Всего хорошего, опекун.

А. Крылова».

«17 марта 1927 г., Лондон

Милый опекун,

Я приеду в Кембридж в 5.50 (из Лондона поезд уходит в 4.15). Если опекун будет свободен, то, может быть, он снизойдет к воспитаннице и встретит ее? Чтобы она в умном городе не потерялась.

То, что приняли за меня приглашение к Robertson'ам, очень хорошо сделали. Все равно без Вашего разрешения я бы не посмела.

Всего хорошего.

А. Крылова».

«30 марта 1927 г., Лондон

Милый дядя,

Пожалуйста, напишите срочно адрес Robertson^ и, вообще, как надо написать по-английски адрес на конверте. Я потеряла его, а надо написать скорее. Кстати, Вам нет выхода 8-го – шведка приглашена. Она мне все больше и больше нравится.

Всего хорошего.

А. Крылова».

«5 апреля 1927 г., Лондон

Милый дядя.

Приезжайте в пятницу, как хотели, к 2*Л, мы пойдем на картинки смотреть, я очень рада, что хорошая коллекция.

Путеводители куплю, те самые, что Вы написали. Вы знаете, что я всегда рада болтаться где угодно. На днях чуть в Лондон не приехал папа, но в последний день сообщил мне, что его вызвали срочно в Германию. Я очень жалею, мне хотелось моего старика повидать и с ним поболтать. Теперь он, наверное, если и приедет, то меня не будет в Лондоне.

Всего хорошего, жду Вас в пятницу.

А. Крылова».

Путеводители в последнем письме упоминаются не случайно, и вот почему.

«Однажды, – вспоминала Анна Алексеевна, – под конец моего пребывания в Лондоне, Петр Леонидович сказал: «Хотите поехать по Англии? Посмотреть страну, ваши любимые замки и соборы?» Я тут же согласилась. Да и кто же не согласится отправиться в поездку по Англии на открытой машине! Только у меня совсем не было денег. Но Петр Леонидович сказал: «Я вас приглашаю». И мы отправились. Ездили по многим старинным аббатствам, старинным городам и доехали в конце концов до самых западных частей Англии».

Письма Петра Леонидовича к Анне Алексеевне того времени не сохранились, но своей маме он пишет:

«7 апреля 1927 г., Кембридж

Дорогая Мама,

Сегодня последний день работы, и завтра утром отправлюсь отдыхать. Сперва думаю поехать покататься на машине, потом на недельку в Париж. <...> Я решил поехать по Англии, т. к. ее меньше всего знаю. Никогда не оставался на каникулы здесь. <...> Тут я несколько раз

виделся с Анной Алексеевной Крыловой. Она приезжала смотреть Кембридж. Очень умненькая и славная девочка. Много интересуется искусством и хорошо разбирается. Тебе, наверное, она понравилась бы. Твой вкус я хорошо знаю...»

«Путешествовали мы с полным удовольствием, у нас были очень хорошие отношения, вполне дружеские. Петр Леонидович любил шутить, любил подначивать, но и я была весьма независимой и энергичной особой. На ночлег мы останавливались в больших гостиницах. И вот как-то утром он спрашивает меня: «Что такое вы делали сегодня ночью? Администрация жаловалась, что мисс очень шумит». «Очень просто, – ответила я, – перед самым окном стоял шкаф и мешал мне смотреть на великолепный пейзаж. Я его просто сдвинула и переставила на другое место».

Во время нашей поездки Петр Леонидович много рассказывал мне о своей жизни, о трагических событиях, которые он пережил в России. Было впечатление, что ему хочется выговориться. Надо сказать, что позже, в последующие годы, он, наоборот, старался никогда не говорить об этом.

Путешествие кончилось, и вот Петр Леонидович уже провожает меня на вокзале Виктория. Я отчетливо помню, как, уезжая, посмотрела в окно и увидела грустную, как мне показалось, маленькую фигурку, одиноко стоящую на перроне. И тут я почувствовала, что этот человек мне очень дорог...»

Кроме писем того времени, чудом сохранилась крошечная записная книжечка, что-то вроде ежедневника. Анна Алексеевна совершенно неожиданно обнаружила ее в своем домашнем архиве чуть ли не за несколько месяцев до кончины. Сохранившиеся в ней записи о времени, проведенном в Англии бесценны, ведь это непосредственные впечатления и ощущения «умненькой и славной девочки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.